

Post scriptum: переводы, рецензии, мнения

Мнение

Post scriptum: Translations, Reviews, Opinions /
Post scriptum: Übersetzungen, Rezensionen, Meinungen

Opinion / Meinung

УДК 140.8(47):13:2-1

Грановский В.В.

Русская религиозная философия и патриотическая идеология: место не-встречи

Впервые опубликовано в: Русская философия и формирование патриотического самосознания России. Вып. 3. Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2014. С. 17—39.

Грановский Виктор Владимирович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Московского авиационного института (национального исследовательского университета)

E-mail: philosophus@rambler.ru

Статья посвящена обнаружению сущностных несходств между социально-антропологическими установками классической русской философии первой половины XX века и общими приоритетами патриотической идеологии в современной России. Духовно-религиозным и общественно-политическим фундаментом национальной мысли полагается идейное наследие продолжателей Вл. Соловьёва, в частности, «веховцев» (С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев), а также мыслителей русского зарубежья (Ф.А. Степун, И.А. Ильин). Русская мысль представлена автором как пример просвещённого консерватизма с центральным для данного мировоззрения концептом свободы личности, имеющим христианский исток, чем заданы в русской мысли и образ социально-государственного мышления, и понимание патриотизма в целом. В том же контексте, полагает автор, прочитывается русскими религиозными философами история русской революции, определившая национальное лицо России в XX веке. Задача статьи — прояснить аксиологическое несоответствие приобретающего сегодня всё большую популярность «советского патриотизма» с ценностными доминантами русской христианской мысли.

Ключевые слова: русская религиозная философия, «Вехи», «Серебряный век», большевизм, коммунизм, сталинизм, патриотизм, евразийство, идеология, консерватизм, революция, интеллигенция, Церковь.

Вслед за «лихими девяностыми», когда интерес к русской религиозной мысли, открывшейся широкому читателю после долгой недоступности, объяснялся во многом самой новизной открытия, значительно более модным стало говорить о нравственной шаткости Серебряного века, «инфицировавшей» и его философию, обличать русскую религиозную мысль в вопиющей неконсервативности, в прямой подготовке имперского крушения, в этическом авантюризме. Вот цитата известного патриотического писателя из журнала «для тех, кто любит Россию»:

«Отнюдь не пресловутый “заговор большевиков” разрушал социальные и нравственные основы жизни, а труды и лекции высоколобых интеллектуалов того же Серебряного века: С. Булгакова, А. Богданова, А. Луначарского, Н. Бердяева. Стены канонического Православия начали обваливаться не только от богохульства Емельяна Ярославского и Демьяна Бедного, а во многом и от деятельности модных реформаторов христианства: Л. Толстого, В. Розанова, Д. Мережковского» [Куняев 2013].

Действительно, русская мысль начала XX в., собственно тот идейный комплекс, общественная рецепция которого до сих пор остаётся внутрироссийской проблемой и возможной задачей, прошла через испытание революционного соблазна, а отчасти и предопределилась к нему спецификой собственного устройства. Критика этого прихотливого богоскательства за последние лет десять раздавалась часто и во многом убедительно. Отдал ей дань и автор этих строк [Грановский 2007].

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: МЕСТО НЕ-ВСТРЕЧИ

И всё же критический взгляд на малотрезвенную возбуждённость в постановке религиозных тем, замах на резкое присвоение и проповедание новооткрытых религиозных идей, слишком напористое желание докоснуться до таинственной (если не таинственной) сферы религиозной жизни — строгий суд над всеми подобными метаниями уже случился в самой русской мысли в момент её созревания, охватывавшего вместе с высотными достижениями и названные явные издержки.

Один из самых ярких анализов этой тенденции провёл Фёдор Августович Степун в своих «Мыслях о России» (1926). Завершая его, он писал:

«Из всего этого ни в какой мере и степени, конечно, не следует, что если бы русская философия на протяжении предшествовавшего революции столетия занималась бы не общесинтетическим отображением религиозной сущности русской души, а критическим расчленением и дифференцированным возделыванием русского сознания, то революция вылилась бы в другие, более умеренные и с социально-политической точки зрения более осмысленные, формы» [Степун 1999, с. 25].

Правда, вывод, венчающий эту лекцию по социологии русской революции, в соответствии с её общим тоном напрашивается быть прочитанным как раз с обратным знаком: то есть, вопреки авторскому подытожению, скорее «следует».

Тем не менее, понятно, что говорить о соблазнах и изломах отечественной философской религиозности — значит освещать лишь один из аспектов движения национальной мысли. Всё-таки уместность критики — ещё не паспорт на констатацию дефицита достижений. И невозможно редуцировать «цветущую сложность» мыслительной культуры Серебряного века, внутри себя, безусловно, противоречивой, на уровень интеллектуально-нравственного «погрома». Обыкновенно авторы, совершающие подобный перенос, склонны параллельно снимать с большевизма главную ответственность за войну не на жизнь, а на смерть, объявленную им русской духовности, едва ли не целиком перекладывая таковую на его, большевизма, предтеч, назначение в которые выглядит, как правило, столь же произвольно, что и в открывающей наш текст цитате.

Проекция язв русской общественной жизни на русскую мысль не отменяет значительных результатов работы этой мысли в сфере национального самосознания. И время «перед бурей», и сама революция, и её длящиеся до сих пор итоги — всё это обилие «рубежных» этапов стало одной из сущностно важных тем, подробно исследованных русскими идеалистами. Сегодня сделанные ими выводы либо плохо знакомы широкой патриотической массе страны, либо замещены совсем иной патриотикой, вбирающей в себе главным образом концепты сильно вульгаризованного «имперского возрождения» и по-сталинистски оформленного «мобилизационного проекта».

Следует оговориться, что сталинизм, переживающий новое рождение в условиях возвратившегося в общество советского мифа, не равняется социалистической мысли, «изводы» которой имеют за собой и солидную методологию социального анализа, и в целом драматично пройденную школу недогматического марксизма¹.

¹ Своего рода финалом этой драмы стала подготовка академиком И.Т. Фроловым «недогматического или даже антидогматического учебника» «Введение в философию» (1989), «когда советские философы начали отходить от прежней жёсткой конфронтации с современной мировой философией» [Келле 2009].

Во многом эти социалистические доктрины уходят корнями в идеологическое брожение «перестройки», когда с подачи последнего советского генсека сама идеология смикшировала теорию классовой борьбы, переведя центр внимания на «реальный гуманизм марксизма». За теориями конвергенции и «нравственного социализма», после их выхода на арену борьбы идей, нельзя не признать серьёзной роли, сыгранной для восстановления исторической правды и, ненароком, для пользы патриотического дела.

Собственно, честный и аргументированный марксизм, претерпевший от коммунистической бюрократии своё гонение [Лекторский 2009], и теперь движется ревизионистскими путями, пересматривая не только теоретические основы, но и способ исторического воплощения своей идеи. Это социал-демократическая линия по существу продолжает попытки реформатирования на этической основе былого «научного коммунизма»².

² Глубоко историчный и достаточно злободневный обзор этих теорий содержится в книге [Медведев 2006].

«Поэтому совершенно не случайно, что ревизия марксизма в среде мыслящих советских философов включала в себя и синтез русской религиозной мысли. Вспоминаю семинары в поздние 60-е годы, — пишет священник Михаил Аксёнов, — в научных институтах Москвы: впервые выносятся на обсуждение имена Бердяева, Шестова, Франка, Флоренского и т. д. ведущими тогда философами-марксистами, воспитанными на немецком идеализме: Юрием Давыдовым и Пиамой Гайдено, Эвальдом Ильенковым, Генрихом Батищевым, Библером и др. Имена русских религиозных мыслителей, «веховцев», принимаются с недоверием, осторожностью, но они входят в круг обсуждений» [Аксёнов-Меерсон 2008, с. 39].

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: МЕСТО НЕ-ВСТРЕЧИ

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: МЕСТО НЕ-ВСТРЕЧИ

Тот же автор чуть ниже отваживается и на более радикальный исторический вывод, подкреплённый простым, но весомым наблюдением:

«Изживание изнутри утопии “научного мировоззрения” в трудах русских религиозных мыслителей повлияло и на, так сказать, парадигматический поворот сознания в советской идеологии. Перед нами знаменательная серия русских философов, опубликованных в издательстве “Правда”, в приложении к журналу “Вопросы философии”, как программный проект Института философии АН СССР» [Аксёнов-Меерсон 2008, с. 39].

Если согласиться с правотой этого наблюдения, то выйдет, что табуированный идеализм нашёл в позднем СССР одну из дорог к своему возрождению через уцелевшее в рамках полуофициального марксизма философское свободомыслие. Происходила своего рода идейная контрреволюция, преодолевающая тоталитарный диктат, первыми врагами которого когда-то оказались как умеренно-правые, так и умеренно-левые общественники.

Но уже к концу перестройки курс на умеренность общественных настроений был похоронен, причём самим обществом. Отсутствие этой умеренности обнаружили раньше прочих социалисты-шестидесятники, ставшие активными либералами, и это диктовалось их воспитанностью на ленинских теориях. Один из публицистических «оформителей» перестройки иллюстрирует это в недавней статье:

«...идея превращения СССР в множество независимых государств,... которая родилась в кружке Сахарова и которая активно пропагандировалась Еленой Боннэр, Галиной Старовойтовой, Леонидом Баткиным, так называемая теория “кубиков”, прямо вытекала из ленинской идеи государственного самоопределения народов России. Вся политическая практика сахаровской социал-демократической оппозиции с самого начала перестройки была направлена на доведение до логического конца ленинской национальной политики» [Ципко 2013].

Но и патриотическая мысль данного периода отличалась экстремальностью своих воззрений. Вектор тогдашнего и даже чуть более позднего патриотизма обозначил редактор влиятельного почвенного журнала, писатель-сиделец Леонид Бородин:

«Ритуально отплясав вокруг нескольких великих имён — Столыпина, Ильина, государя Николая Второго,... — патриотическая интеллигенция... изъявила готовность упасть в объятия коммунистов, по-видимому, согласившись с их предложением понимать под социализмом не столько вековую мечту человечества, сколько ту самую русскую идею, о которой бредила в период своего коллективного диссидентства...» [Бородин 2012, с. 112].

Характерна и ставка, сделанная этими кругами на крайне правую часть спектра дореволюционной русской — от «эпигонов славянофильства» и Победоносцева до самых что ни на есть черносотенных публицистов. Сегодня ясно, что это не просто вольный круг предпочтений, но идеологический контрфорс религиозно-философскому возрождению, нередко обрекаемому на изгнание из патриотических пределов за одно лишь отсутствие в нём промонархического энтузиазма и за резкую критику недостатков российского огосударствлённого православия.

Впрочем, уколы той давней критики настоящая патриотическая мысль и сегодня не может разрешить простым отворачиванием от них.

«Отворачивание» имело место уже на Религиозно-философских собраниях “начала века”, так тревожно начавшихся и так бескомпромиссно закрытых, но оно вовсе не сняло тем самым церковно-интеллигентских и патриотических проблем, с трудом пропущенных в дальнейший диалог.

Пара-христианский колорит богоискательства, конечно, не мог не насторожить к нему ортодоксальные церковные круги; но и в предпринятой оппозиционной им стороной скандализированной критике “исторического христианства” не всё было впрямую враждебно Церкви.

Церковь, конечно, была, по мнению “серебряновечных” богоискателей, «слишком аскетична, не понимала культуры и к тому же запятнала себя покорным сотрудничеством с царской и бюрократической властью» [Ермичёв 2013, с. 8].

Последнее утверждение делалось не только с религиозно-новаторских, но и с патриотических позиций. И потому целая «часть передовой интеллигенции — а здесь были С.Н. Булгаков, В.Ф. Эрн, В.П. Свенцицкий — активно защищала православие, доказывая, что Церковь может быть освобождена от услужливости перед властью, может вдохновить борьбу за социальную справедливость...» [Ермичёв 2013, с. 8].

Словом, известные тогда последователи Вл. Соловьёва шествовали путями не только, как писал Фёдор Степун, «вольноотпущенной бесцерковной мистики», но и тропами зоркого общественно-политического (и религиозно выдержанного) реализма, чему ярким примером является сборник «Вехи», да и предшествовавшие ему масштабные переосмысления марксизма в идеализм, предпринятые тем же Булгаковым.

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: МЕСТО НЕ-ВСТРЕЧИ

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: МЕСТО НЕ-ВСТРЕЧИ

И Сергей Булгаков, опять же, буквально каялся в своей известной статье за «характерную для нашей эпохи интеллигентскую подделку под христианство, усвоение христианских слов и идей при сохранении всего духовного облика интеллигентского героизма. Каждый из нас, христиан из интеллигентов, глубоко находит у себя эту духовную складку» [Булгаков 1991, с. 62].

Сергей Николаевич Булгаков
(1871—1944)

Владимир Францевич Эрн
(1882—1917)

Валентин Павлович Свенцицкий
(1881—1931)

Фёдор Августович Степун
(1884—1965)

Николай Бердяев предупреждал об опасности, таящейся в новой мистике, «утилизировать себя для традиционных общественных [читай, революционных — В.Г.] целей» и даже требовал «радикальной реформы» интеллигентского сознания — «объективирования» его неожиданного мистицизма в «положительную религию», чему больше всего должен способствовать «очистительный огонь философии» [Бердяев 1991, с. 29].

То религиозное оздоровление общественной жизни, на котором настаивали «Вехи», критикуя узкий политизм интеллигенции, было расценено после их выхода как большой духовный переворот, достойный панегирика:

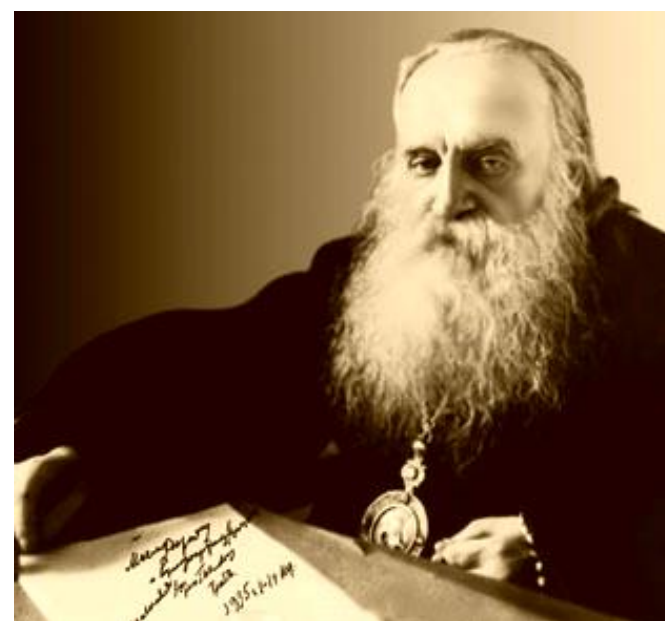
«Ваше дело, ваша книга есть событие, событие чистое, христианское, русское! — писал авторам сборника архиепископ Антоний (Храповицкий). — Знаю, что и эти сочувственные строки вам вменят в укор, а не в честь, но любовь не ищет чести, а взаимного отклика. И без смущения свидетельствую я, что ваш высокий духовный подъём заставит и меня с седеющею уже бородою взглянуть более примирительным взором на жизнь нашего ренегатского от народа и родины общества и не считать его окончательно погибшим для Царства Божия. Поклон же вам и привет, и Божие благословение, добрые русские писатели» [Архиепископ Антоний (Храповицкий) 1998, с. 347].

Николай Александрович Бердяев
(1874—1948)

Обложка сборника «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции»
(Москва, 1909)

Архиепископ Антоний (в миру Алексей Павлович Храповицкий, 1863—1936), митрополит Киевский и Галицкий (с 1918), богослов, философ

То же, что вполне «взаимного отклика» между сторонами, увы, и тогда, и позднее не случилось, предопределило во многом русскую религиозную катастрофу XX века. Современный высокий иерарх указывает на подлинно трагический смысл не переждённого вовремя средостения:

«...была попытка людей из среды интеллигенции, настроенных на диалог с Церковью, преодолеть тот водораздел, который между ними существовал. Но в основном корпоративные “межи” между миром Церкви и миром ис-

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: МЕСТО НЕ-ВСТРЕЧИ

МНЕНИЕ

Грановский В.В. РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: МЕСТО НЕ-ВСТРЕЧИ

кусства, культуры, интеллигенции сохранялись... Именно интеллигенция внесла очень существенный вклад в дело разрушения православной России, приведшего к революции 1917 года... Советская власть была гонительницей и Церкви и интеллигенции. Вся дореволюционная интеллигенция по сути была истреблена в годы сталинского террора. Поэтому сегодня, после столь печального и трагического исторического опыта, мы должны... избавляться от искусственных схем и водоразделов» [Митрополит Иларион (Алфеев) 2011].

Что же до требований философской выучки, призванной канализировать религиозное «коловоращение», то соответствующих примеров «серебряновечная» мысль дала достаточно, несмотря на свою причудливую «полиматию». Правда, как правило публицистические высказывания творцов Серебряного века по вопросам «теории» создают иллюзию нарочитой бессистемности и «плохой» дедуцируемости их воззрений. Но то была «коммуникативная стратегия» [Антонов 2009, с. 22] русской мысли, обеспечившая ей, прежде всего, широкую общественную доступность и поддержку.

Иными словами, академические горизонты философии расширились, но академизм из неё не совсем исчез. Заявленное Бердяевым от лица русской мысли преодоление европейского рационализма «на почве высшего сознания» [Бердяев 1991, с. 26] проходило скорее с демонстративным, чем с реальным отбрасыванием рационалистических лесов. Вот лишь несколько примеров-наблюдений. Символизм Андрея Белого мотивируется кантианской строгостью и чурается адогматического «анархизма», будучи противовесом вольным теоретическим построениям его соратников, проповедующих религиозное творчество вне трансцендентальных штудий темы о возможности религии как таковой [Белый 2012, с. 327, 359]. А «оно-матология» отца Павла Флоренского, замешанная на народническом сплаве «именопочитания» и магизма, весьма напоминающая своим «словарём имён» настоящий гороскоп (и от подобной «литературы» отличающаяся лишь «златоустовски-медоточивой», как писал Г. Гачев, манерой письма), уравнивается дотошно иссекающей чеканными категориями всё сущее, включая догмат над-сущей Троичности, вполне схоластической диалектикой Алексея Фёдоровича Лосева.

Андрей Белый
(Борис Николаевич Бугаев,
1880—1934)

Павел Александрович Флоренский
(1882—1937)

Василий Васильевич Розанов
(1856—1919)

Иван Александрович Ильин
(1883—1954)

И эмоционально мыслящий Бердяев в своих заявительно-утверждающих или заявительно-отрицающих эскападах в итоге вовсе не менее «предметен» и близок аскетической методологии «очевидностей», нежели его противоборец Иван Ильин, чуждый всем «безответственным выдумкам». Даже прихотливейший стилист В.В. Розанов, шокировавший воспитанную на классической прозе читательскую публику своими нарочито бессистемными сентенциями, подлавливающими автора то «в конке», то «за нумизматикой», то и вовсе «на обороте транспаранта», хоть и близок роняемыми «опавшими листьями» потоку сознания нынешнего блогера и ЖЖ-писца, на самом деле конструирует своё «Уединённое» как строго выверенный модернистский роман, а своё предназначенное «ни для кому» пятидесяти томье строит по плану и в духе философского академизма XIX века, столь творчески им «взорванного», но и бывшего ему идейным воспитателем³.

³ «Созданность» художественных текстов Розанова, скрывающуюся за их поверхностной «стихийностью», успешно доказывал А.Д. Синявский; отмечая этот факт исследователь русской мысли в свою очередь определяет розановский жанр как феноменологический — это «эстетико-психологическая герменевтика религиозных феноменов» на фоне сложной «игры цинизма и лиризма». См. [Антонов 2009, с. 237].

И без критически-приемлющего усвоения материалов всего этого возрождения невозможно войти в замечательно обрисованный в нём образ *свободного консерватизма*, как и *просвещённого патриотизма*, соиздание которого и было самоотверженно заявлено русскими философами перед революцией и после. Вне концептов *свободы* и

МНЕНИЕ

Грановский В.В. РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: МЕСТО НЕ-ВСТРЕЧИ

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: МЕСТО НЕ-ВСТРЕЧИ

просвещения даже фигуры, дистантные к популярным в том обществе либеральным требованиям, оказываются огрублёнными в своих тонких государственных концепциях, быстро сводимых к деспотическим «моделям» либо третируемых за отсутствие таковых.

Здесь весьма знаковым примером является вольное обращение патриотических активистов наших дней с наследием Ивана Александровича Ильина. Так, будущие зачинатели Изборского клуба сделали к 130-летию философа из этого наследия своеобразную «вытяжку». Ильинское многотомье содержит в себе не один фолиант, где отношение к большевизму высказано с отторгающей недвусмысленностью. Ильин понимает его как «соблазн и гибель». И, тем не менее, это не помешало в 2012-м году Александру Проханову уснастить ильинскую конференцию в Екатеринбурге прочувствованным докладом о «красном смысле» [Проханов 2012]. В подобных докладах, звучавших на том форуме не в единственном числе, ильинская критика большевизма потонула за рассуждениями приглашённых исследователей о победе советского оружия в Великой Отечественной войне.

Доказывать подвиг, совершённый в той войне русским народом, о чём в дни боёв не раз писал Ильин, — значит лопнуть в открытую дверь. Но с изрядной неохотой докладчики типа екатеринбургских высветляют лишённые всякого триумфализма взгляды философа на исторический итог победы: национальный подвиг для Ильина не был тождествен тому, как воспользовалась им для собственной легитимации послевоенная сталинщина.

Вот какую цитату, иллюстрируя мысль философа, приводит об этой коллизии составитель его недавней биографии:

«Россию спас *народ*: он использовал трупную форму советчины как *орудие* для разгрома своего вековечного врага; он разыграл роль внутреннего врага против внешнего. Победил и домучивается теперь от внутреннего. Всё, что советы “добудут” в итоге этой победы, всё *именно поэтому* потеряет национальная Россия...» [Томсинов 2012, с. 157].

А вот как акцентирует ильинское наследие главный редактор патриотического Интернет-ресурса «Русская народная линия» (авторская пунктуация сохранена):

«Что касается Ивана Ильина, то он был конечно крупнейшим русским философом, знатоком немецкой философии, но не стоит менять ленинизм на ильинизм, лучше всё-таки опереться на всю русскую национальную традицию. А Ильин не во всём вписывается в неё (идеи славянофилов, Леонтьева, Победоносцева, Тихомирова, Каткова). Самая большая ошибка Ильина состоит в том, что он не заметил изменение большевистского режима, произошедшее при Сталине. Поэтому всё, что он написал о позднем советизме-сталинизме набор либеральных благоглупостей» [Степанов 2012].

Тут стоит напомнить, что как раз наиболее видные либералы ещё во время войны перенесли упоение русскими победами на советскую власть, позабыв свою прежнюю к ней непримиримость. Роман Гуль сочно описывал политический экспромт самого знаменитого из них:

«...вождь кадетской партии, опытнейший политик и знаменитый историк П.Н. Милюков в разгар всемогущества Иосифа Сталина, в 1942 году, стал “сменовеховцем”. Свою “иллюзию примирения” П.Н. Милюков изложил в большой статье под ударным заглавием (каких никогда не было ни у евразийцев, ни у сменовеховцев!) – “Правда большевизма”. Статья была ответом на статью “Правда антибольшевизма” непримиримого антибольшевика (“при всех обстоятельствах”), эсера Марка Вениаминовича Вишняка... Для зарубежных русских демократов и социалистов-антибольшевиков статья Милюкова оказалась “атомной бомбой” по своей неожиданности и по разрушительности прежней идеологии П.Н. Милюкова...» [Гуль 2001, с. 227].

Эмигрантские противники Ильина, критиковавшие его за книгу «О сопротивлении злу силою» (1925), такие как Зинаида Гиппиус, отзывались о большевизме значительно резче — тоном настоящей метафизической необратимости:

«Да, вот это забывают обыкновенно, а это надо помнить: большевики — *позор* России, несмываемое с неё никогда пятно, даже страданиями и кровью её праведников несмываемое» [Гиппиус 2012, с. 238].

Сверяясь с этой выдержкой, нетрудно увидеть, что сущностное отличие большевизма от России главный поборник Белой идеи и православного меча подчёркивал всё же более настоятельно, нежели *неистовая Зинаида*.

Но в случае Ильина дело не в публицистическом уничижительном клишировании. Здесь особая идейно-историческая обличка национального сознания, выводящая его магистральную линию от славянофилов и охранителей к товарищу Сталину. Историко-философски продемонстрировать последовательность подобной эманации, конечно, невозможно, однако автор сей тезы не озабочен доказательствами: ему достаточно произвольных сближений, как и ровно настолько же произвольных отвержений.

Поздний Ильин, в постсоветской России усвоенный менее всего, почти тотально сбрасывается с парохода русской

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: МЕСТО НЕ-ВСТРЕЧИ

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: МЕСТО НЕ-ВСТРЕЧИ

мысли во славу причудливого патриотизма по причинам: а) своего якобы либерального мировоззрения (которое хотя и было терпимым для Ильина, однако в целом чуждо его консервативному духу, о чём свидетельствуют и его главная книга о монархии, критичная к либеральному республиканизму, и детальные проекты философа «о грядущей России», составленные, разумеется, в абсолютно вне-советском ключе); б) некоего «ильинизма», грозящего заместить собою идеологическое начётничество по В.И. Ленину (присоединение «-изма» предусматривает наличие направления, меж тем как насыщенность идеями Ильина именно у «профессиональных» патриотов крайне мало ощутима).

То есть, как объясняет нам патриотический идеолог, в сухом остатке именно ввиду своей категорической враждебности большевизму, невзирая на некоторые его, большевизма, ситуативные трансформации, Иван Ильин оказывается стоящим вне «русской национальной традиции».

Критерий оценки русской мысли, ещё в 90-е годы предзаданный подобными патриотическими изыскателями, иронично описал Владимир Кантор в своей повести «Записки из полумёртвого дома», вложив в уста палатного врача, эдакого симпатичного садиста, яркую тираду о национальной трагедии:

«Я до девяностого года тоже в марксизм верил. А потом глаза у меня сразу и открылись. Всех настоящих русских философов большевики выслали, которые в Бога православного верили, да и по крови чисто наши были... Бердяев, Шестов и этот, забыл, из головы вылетело... Выгнали русскую мысль в какую-то европейскую глушь, подальше от святых мест, от истоков... Не было ещё у Сталина силы, чтобы их спасти. А изгнанным бы лучше со Сталиным остаться, как отец Флоренский» [Кантор 2008, с. 393, 394].

В этом и состоит главный посыл слышимого чаще всего патриотического хора: остаться со Сталиным, а не с русской религиозной мыслью, чудом вернувшейся к нам после исчезновения сталинской партии из числа исторических субъектов. То правда, что отец Флоренский к последней был вполне лоялен [Флоренский 2007], — и всё же она проторила свой путь по его костям. «Доносчику, однако, "первый кнут", — повествовал об идеологическом супостате отца Павла А.В. Гулыга. — По злой иронии судьбы Кольман, требовавший расправы над Флоренским, сам угодил за решётку. Кольман выжил, вышел на свободу, выехал из СССР, умер невозвращенцем, успев перед кончиной сдержанно покаяться» (следует ссылка на книгу с, действительно, покаянным названием: Кольман А. Мы не должны были так жить. Нью-Йорк, 1982) [Гулыга 2003, с. 381, 385].

Но мотив покаяния, предусматривающий духовно-исторический суд над всем тем, что стало причиной и следствием русской революции, — чрезвычайно звучная нота в творчестве религиозных философов, не исключавших, кстати, и самих себя из числа «подсудимых», но именно по причине религиозного самоуглубления отказавшихся «менять вехи» и опознавших евразийский компромисс с большевизмом как «острый и кощунственный соблазн» «государственного максимализма» [Флоровский 1993, с. 261]. Этот-то мотив и не встраивается сегодня в державные идеологемы, педалируемые большинством теоретизирующих патриотов.

Впрочем, как отмечают знатоки того же евразийства, «судьба нашей страны сложилась бы принципиально иначе... если бы евразийские... предостережения были... восприняты с должным вниманием властью предрержащими сначала в СССР, а затем в Российской Федерации» [Пашенко 2000, с. 13–14].

Здесь, правда, нужно помнить, что почти все главные их предостережения диктовались периодически усиливавшейся надеждой евразийцев (как показала история, чересчур часто граничившей с иллюзией) на метаморфозу раннего советского режима в цезаристскую диктатуру на манер раннего же фашизма⁴.

⁴ История этих самообольщений подробно описана в [Агурский 2003].

Проецируя эти чаяния в наше время, вряд ли можно сказать, что представители правящего слоя ныне полностью игнорируют евразийские штампы. Тем не менее официальные документы составляются в совсем ином (умеренно-либеральном) духе. Так, например, это видится ныне либеральному консерватору, а в прошлом яркому перестроечному публицисту Александру Ципко:

«Это близко к либеральному патриотизму. Это близко к Струве... Говорю, как эксперт. Это типично либеральный патриотизм... Это точно дословно Пётр Струве и немножко Иван Ильин» [Ципко А.С. в программе... 2009].

Между тем, вполне искренние, вероятно, запросы на повторное сооружение идеологического каркаса с целым рядом державных и ретро-советских декораций, которые адресуют «верхам» отдельные представители общества и массовое низовое настроение, гораздо настойчивее проходных реплик верховновластного официоза [Грановский 2013.а, с. 2–5].

В том же интервью Александра Ципко было сказано и об этой тенденции:

«Все бывшие красные плюс некоторые бывшие либералы... вдруг образовали широчайшую партию. Партию, я бы назвал, brutального патриотизма. Такого патриотизма, близкого Константину Леонтьеву, такому жёстко анти-западному. Мы — особая цивилизация, особый мир, нам не нужны заёмные ценности. У нас особый путь, мы со-

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: МЕСТО НЕ-ВСТРЕЧИ

МНЕНИЕ

Грановский В.В. РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: МЕСТО НЕ-ВСТРЕЧИ

здадим свою особую экономику. Нам не нужны критерии гуманизма» [Ципко А.С. в программе... 2009].

В значительно более сильных выражениях описывает процесс этой диковинной аксиологической переориентации Рената Гальцева:

«Осмелевшими, вылезшими — на свободе — из укрытий коммунистами запущены штампы и клише, подхваченные интеллигентскими вождями: “авторитарный синдром”, “развал Союза”, “расстрел парламента”... Старо-новые пропагандисты идеологически оформляют и укрепляют разочарование народа в “демократии”, усиливая влечение к старому режиму с его “крепкой рукой”» [Гальцева 2013, с. 8].

Здесь наблюдается ещё одно важное расхождение патриотической идеологии и русской религиозной мысли. Разногласие очевидно возникает по вопросу о непрерывности живого хода нашей истории, нарушенной советским опытом. Если эмигрантская религиозная мысль выясняла перспективу и сосчитывала меру этих нарушений, но в целом исходила из несомненности данного «перерыва», то доминирующая линия патриотики усматривает тут категорическое отрицание всякого искусственного слома.

«Не было никакого разрыва русской истории при Ленине, как не было его и при Петре Великом, — убеждён автор солидной статьи о национал-большевике Н.В. Устрялове, — как не будет его никогда, пока наш народ имеет волю к жизни. Именно интуиция неразрывности и целостности исторического бытия России является самой актуальной частью устряловского наследия. И этим оно выгодно отличается не только от прямолинейной антисоветчины à la Ильин, но и от глубокомысленного евразийства, умудрившегося зачеркнуть весь Петербургский период» [Сергеев 2003, с. 46–47].

Характерно в данной фразе то, что наследие И.А. Ильина опять выведено с лёгкостью из-под аналитического обзора: оно не опровергается, а «снижается» нелюбимой вкусовой характеристикой — только прежде, как мы видели, Ильина ругали за «благотупости», а теперь вот за «прямолинейность». На фоне этого малопонятно доверие, с лёгкостью оказанное «интуиции» Устрялова, которая, если справиться с биографией этого «страстотерпца великодержавия», как раз обманула его патриотические надежды на эволюцию сталинского режима в относительно просвещённую и национально ориентированную автократию⁵.

⁵ Об этом политическом «субъективизме» Н.В. Устрялова можно прочесть в воспоминаниях близко знавшей всю его семью дочери философа Н.А. Сетницкого: «Николай Васильевич был всегда в сложных отношениях со всяким правительством, со всякой властью вообще. С одной стороны, он считал, что любая власть обуживает его взгляды и возможности... С другой стороны, он считал, что в любом правительстве есть какое-то зерно целесообразности» [Берковская 2008, с. 583].

Слева — обложка и титульный лист (на врезке) сборника статей Н.В. Устрялова «В борьбе за Россию» (Харбин: Издательство Окно, 1920).

Николай Васильевич Устрялов (1890—1937), правовед, философ, политический деятель, основоположник национал-большевизма идеолог «сменовеховства»

Высокий же процент народной витальности («воля к жизни»), на которую надеется патриотический автор, вовсе ещё не гарант против исторических разрывов; и упование на подобный «витализм» допускает растворение национальной жизни в натуральном процессе — подобную историософию и предлагали евразийцы, сущностного размежевания с которыми у автора, тем самым, не получается.

Впрочем, спустя время, застрельщики патриотизма, то есть те, кто и должны быть, согласно высказанному выше пониманию, «медиумами» народной энергии, знатоками народного сердца, стали чужды устряловскому панегиристу ввиду своей нетворческой резиньяции:

«Я говорю, — заявляет С. Сергеев, — о политическом традиционализме современных традиционалистов-“государственников”, преклоняющихся пред государством, которое противопоставляет себя интересам нации. Это

МНЕНИЕ

Грановский В.В. РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: МЕСТО НЕ-ВСТРЕЧИ

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: МЕСТО НЕ-ВСТРЕЧИ

есть, говоря словами Ивана Аксакова, "сладолюбивый культ палки". Традиционалисты этого даже не скрывают, покорно принимая насилие со стороны государства и почитая это за благо. Строго говоря, традиционализм сегодня — это идеология, которая требует беспрекословного послушания начальству. Вот во что выродился русский традиционализм» [Жучковский, Сергеев 2011].

Наряду с задействованием подобных этатистских стереотипов заявляет о себе всё громче и патриотическое антизападничество. Оно чаще всего занимается поднятием на щит идей поздних славянофилов и подпитывается тем убеждением в силе национального единения и твёрдости православной веры русского народа, которое вычитывается из «Пушкинской речи» Ф. М. Достоевского.

Здесь к месту заметить, что славянофилы критиковали Запад прежде всего потому, что в центре их внимания стояла полемика с западными конфессиями об истине христианской религии. Достоевский же давал отповедь радикальному русскому западничеству, которое отказывало России, её культуре и религии в какой бы то ни было самобытности, видя её будущее не «скорректированным» некоторыми очевидными преимуществами европеизации, но от начала до конца переплавленным в западный стиль и быт. Такое западничество в нашем обществе, как и в целом религиозное расхождение между русским и западным христианством, сохраняется до сих пор. Но культурно-исторический образ России противопоставлялся Западу и в славянофильском романтизме, и в почвенничестве Достоевского с гораздо меньшей и в общем иной экспрессией, нежели та, что звучит лейтмотивом в нынешних патриотических историософемах.

Правда, в последних тоже в некотором смысле говорится о Западе, как о «стране святых чудес», сиречь о фонде скончавшегося классического либерализма, который теперь опрокинут как американо-глобалистской политической практикой, так и распадом выстроивших некогда либеральное общество традиционных нравственных ценностей.

Александр Сергеевич Панарин, считавший залогом патриотического возрождения России экономический и политический реванш национальной буржуазии, чью идеальную духовную родословную он выводил из хозяйственного мирозерцания русского крестьянина («"кулак", близкий старообрядческой традиции», «его демократия свободы» [Панарин 2005, с. 243]), полагал, что выход из мирового тупика один — «возвращение к модели Просвещения на новой основе» [Панарин 2006, с. 45].

При всей небесспорности панаринской концепции якобы втягивания элит сегодняшней России в процесс перераспределения собственности между «мировой номенклатурой», запоминается яркая характеристика этого, увы, несостоявшегося реванша:

«Если бы действительной целью приватизации было "обуржуазивание", то есть присвоение собственности номенклатурой, которой суждено было бы стать национальной буржуазией, национал-патриотизм немедленно стал бы господствующей идеологией, наступившей вслед за пролетарским, коммунистическим интернационализмом. Тогда бы носители или реставраторы старого русского сознания — "поручики Голицыны и корнеты Оболенские", "мещане" и "старообрядцы", православные клирики и миряне — могли бы действительно найти место в реформируемой России в качестве её национального ядра» [Панарин 2006, с. 60].

Очевидно, что подобные соображения строятся явно с учётом исторического разрыва, вызванного в России большевизмом и его последствиями, а также убеждённостью, что при счастливом случае возрождения «старого русского сознания» западные ценности должны быть не отвергнуты вовсе, а реставрированы — быть может, за счёт новой религиозной и цивилизационной мотивации (как возможность, но не столько чаемую, сколько тревожно-прогнозируемую, А.С. Панарин рассматривал здесь осуществляемый Россией ренессанс «православной Византии»). Русское патриотическое самостояние в развиваемом контексте, конечно, предполагает культурно-историческое противостояние Западу — и здесь нам в помощь идейное богатство, как пишет Панарин, русской религиозной мысли: космизма, философии всеединства, того же Серебряного века [Панарин 2005, с. 302–305].

С точки зрения жёстко антизападнического изоляционизма истолковывает русскую цивилизацию и духовно обосновавшую её русскую философию историк Н.А. Нарочницкая в своей известной книге, издание которой десятилетие назад стало патриотическим бестселлером:

«...ни Чаадаев, мучительно переживавший раздвоение, ни славянофилы, Достоевский и Данилевский, осознанно поставившие проблему, ни В. Соловьёв, ни даже И. Ильин и блестящие русские умы XX века, похоже, до конца не осознавали дехристианизирующую роль рационализма и либерализма для судьбы самой Европы, причём как Западной, так и стоящей на очереди Восточной» [Нарочницкая 2003, с. 44].

При всех симпатиях, которые высказываются в тексте данной книги к русским мыслителям, например, к тем же славянофилам, далеко не идеализировавшим отечественную историю, сам автор как будто хочет закрыть глаза на то, что привело Россию к патриотическому кризису в XX веке, списывая все русские грехи и беды на одну лишь пленённость

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: МЕСТО НЕ-ВСТРЕЧИ

МНЕНИЕ

Грановский В.В. РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: МЕСТО НЕ-ВСТРЕЧИ

русской мысли западническими мечтаниями. Это довольно старое и удобное объяснение; но сегодня простой антитезой православного идеала, действительно, бывшего когда-то высшим для русского сознания, хотя и реализовавшимся как жизненное свершение отнюдь не всеми русскими людьми и не в каждую эпоху, — антитезой этого идеала явным недостаткам западной цивилизации (при невнимании также и к её идеалам, в том числе к христианским предпосылкам либерализма) полноценно поставить проблему современного русского патриотизма вряд ли возможно⁶.

⁶ Более подробно на эту тему в статье [Грановский 2013.6].

Недоброкачественной опорой оказывается здесь и наследие русских консерваторов, которые при всей своей государственной зоркости и проективности мышления не создали системно-идеологического антиреволюционного противоядия. Как замечает один из лучших современных исследователей данного наследия, «нравится это кому-то или нет, но при всей значимости разработок русских консерваторов мы не можем осуществить их транзит в политическое пространство современной России, так как у нас отсутствует главная фигура — самодержец. Если же мы оставим от консервативных разработок только идею сильного государства и сильной власти, то это будет профанацией консервативной мысли, и в этом случае подобрать соответствующие цитаты из Тихомирова или Леонтьева можно будет и для обоснований действий И.В. Сталина, и для обоснования действий В.В. Путина» [Репников 2009, с. 25].

Возвращаясь к русской религиозной мысли Серебряного века и эмиграции, нужно отметить, что её виднейшие представители пытались изъяснить, прежде всего, духовные истоки той необратимо-крушительной хаотизации русского космоса, которую они видели в революции. Эти духовные истоки были замутнены, по их распространённому мнению, старой российской властью (не ею одной, но во многом ею), часто оказывавшейся в истории России христианской лишь по названию. Забвение христианства правящей аристократией, превратное и слишком позднее восприятие его ведущим слоем — интеллигенцией, великая непросвещённость русского народа в христианской вере — всё это и привело к революции 1917 года, до сих пор остающейся главной темой любого патриотического дискутирования.

Потому и обращение к высказанному русскими религиозными философами о России и о захватившем её большевизме («захватившем» не в смысле «завоёванности» России большевиками, как выражался Ленин, но в смысле свершившегося духовного падения русского народа — в его, по словам Бердяева, «внутреннем предательстве») для нас и теперь сигнальная необходимость.

«Русская мысль лежит перед нами большой непрочитанной книгой, — свидетельствует один из её вдумчивых исследователей. — Её страницы испещрены знаками, которые начертаны “кровью былей” (Пастернак, “Высокая болезнь”), кровью мировой культуры и кровью русской истории. Мы, начисто проигравшие XX век, нуждаемся в этом витальном кровотоке. Это не просто одна из последних русских надежд, это обретение того прошлого-настоящего, которое путём наших усилий сможет стать основой нашего настоящего-будущего» [Пивоваров 2004, с. 114].

И, видимо, русская философия русского патриотизма не сможет претендовать на полноту самоописания, если не учтёт многослойный, быть может не окончательно зоркий, но сочувственный и, вероятно, богатый культуроведческими угадками, опыт познания России, пройденный заинтересованными учёными Запада. Правда, никакие, даже самые пронищательные, «записки иностранцев» о России не произнесут о судьбе её последнего слова. Но изолировать от себя эту речь русское самопознание уже вряд ли должно быть настроено. Ольга Седакова — русский поэт с мировой известностью, но и многолетний референт зарубежной славистики в ИНИОНе — пишет на правах очевидца в предисловии к книге Витторио Страда «Россия как судьба»:

«...мы до сих пор не выразили благодарности тому серьёзнейшему труду по исследованию русской словесности, истории, искусству, мысли, который осуществлялся в разных странах Европы и в Америке за железным занавесом. Эта неблагодарность отчасти извиняется тем, что с плодами этого труда у нас ещё мало знакомы даже специалисты... Настоящий диалог отечественной русистики с мировой ещё не начался» [Седакова 2013, с. 7]⁷.

⁷ Для уяснения позиций в «настоящем диалоге» полезно держать в уме тот обзор иностранных концепций русской мысли, который недавно осуществил в своей статье профессор М.А. Маслин. Определяя русскую философию как «историко-философское отечествоведение», он объясняет зарубежный интерес к ней её мощной ценностной влиятельностью на близкие России как западные, так и восточные культуры. См. [Маслин 2012, с. 3—12].

Ясно одно: привлекать русскую религиозную мысль в качестве актуального мерила сегодняшних российских (и мировых) событий и неправильно, и вряд ли возможно, обходя исследовательским взглядом тему большевизма-коммунизма — если не всегда центральную, то наиболее заострённую нравственно-исторически почти у всех крупнейших русских философов минувшего века. Звуковые траектории раздавшихся тогда голосов зачастую отстояли друг от друга достаточно далеко, но если отечественные философы не сходились во всех своих метафизических построениях, то, безусловно, сближались в исповедании основных «аксиом религиозного опыта» и в целом были захвачены национальной (и экзистенциальной) катастрофой по общую сторону не ими выстроенных баррикад.

МНЕНИЕ

Грановский В.В. РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: МЕСТО НЕ-ВСТРЕЧИ

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: МЕСТО НЕ-ВСТРЕЧИ

Что же до патриотической идеологии, то сегодня её наиболее распространённой формой стал реликтовый сталинизм, порой трудно отличимый от экзотичных версий неомонархизма. Его контакт с русской религиозной мыслью фактически неосуществим ввиду её персоналистической установки. Между тем безлично-этатистский пафос патриотического движения коренится, по нашему мнению, в исторически и религиозно привитой русскому характеру склонности подчинять себя сверхиндивидуальным ценностям — бесспорном национальном качестве, сильнее всего проэксплуатированным в XX веке большевиками, а также в почтенной, но искажённой деспотизмом традиции государственного служения.

В свете всего сказанного думается, что прибавки жизненных сил русскому патриотизму дарами «вечного в русской философии» можно ждать лишь в том случае, если мы согласимся на честную выписку себе её горьких диагнозов. Обратное, то есть ретроспективные теории исторической «нормализации» советского опыта, чаще всего объясняемые мощью советской державности, — дело идеологов по мировоззрению не русских, а скорее пост-советских, то есть советских же. Нередко среди активистов сего политического философствования встречаются и люди религиозные, но исповедующие не столько христианство, сколько «православный сталинизм». Трудно не утверждать в этом случае, что между выстраданной антиреволюционностью русской религиозной мысли и подобными изысканиями её духовных оппонентов (иногда, впрочем, заявляющих себя её продолжателями) — способ синтеза непредставим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агурский М. С. Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм, 2003. 134 с.
2. Аксёнов-Меерсон М. Христианское движение внутри инакомыслия // Новая Европа. 2008. № 20. С. 32–42.
3. Антонов К.М. Философия религии в русской метафизике XIX — начала XX века. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский университет, 2009. 360 с.
4. Архиепископ Антоний (Храповицкий). Открытое письмо авторам сборника «Вехи» // Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. М.: Канон+, 1998. С. 345–348.
5. Белый А. Собрание сочинений. Арабески. Книга статей. М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2012. 590 с.
6. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. М.: Правда, 1991. С. 11–30.
7. Берковская Е. Н. Судьбы скрещенья: Воспоминания. М.: Возвращение, 2008. 720 с.
8. Бородин Л.И. По страницам братского дневника // Бородин Л.И. Киднепинг по-советски и другие рассказы. М.: Издательство журнала «Москва», 2012. С. 72–114.
9. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. М.: Правда, 1991. С. 31–72.
10. Гальцева Р. О симптомах реставрации и симптомах новой цивилизации // Посев. 2013. № 7. С. 7–11.
11. Гишпиус З. Мой лунный друг (о Блоке) // Блок А. Стихи о Прекрасной Даме. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. С. 200–245.
12. Грановский В. Базовые ценности // Посев. 2013.а. № 1. С. 2–5.
13. Грановский В.В. Консервативное антизападничество как русский соблазн // Христианство и наука: Сборник докладов конференции. Вып. 11. М.: Волшебный фонарь, 2013.б. С. 196–210.
14. Грановский В. Религиозно-мистическая атмосфера Серебряного века и имяславие // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 2007. № 4. С. 95–111.
15. Гулыга А.В. Русская идея и её творцы. М.: Эксмо, 2003. 448.
16. Гуль Р.Б. Я унёс Россию: Апология эмиграции. Т. I: Россия в Германии. М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2001. 560 с.
17. Ермичёв А.А. Апология русскости // Бердяев Н. Русская идея. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. С. 5–36.
18. Жучковский А., Сергеев С. Из царства всеобщего терпильства — к свободе и демократии: Интервью с научным редактором журнала «Вопросы национализма» [Электронный ресурс] // Русская народная линия. 18 июля. 2011. Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2011/07/18/sergej_sergeev_iz_carstva_vseobwego_terpilstva_k_svobode_i_demokratii/.
19. Кантор В. Соседи: Арабески. М.: Время, 2008. 944 с.
20. Келле В.Ж. Социально-нравственное направление в творчестве И.Т. Фролова // Вопросы философии. 2009. № 8. С. 3–17.
21. Куняев С. Любовь, исполненная зла [Электронный ресурс] // Русский Дом. 2013. № 3. Режим доступа: <http://www.russdom.ru/node/5749ю>
22. Лекторский В.А. О философии России второй половины XX в. // Вопросы философии. 2009. № 7. С. 3–12.
23. Маслин М.А. Зарубежная историография русской философии // Философское образование. 2012. № 1. С. 3–12.
24. Медведев Р. Социализм в России? М.: АИРО-XXI; Крафт+, 2006. 288.
25. Митрополит Иларион (Алфеев). Интеллигенция нужна Православной Церкви // Российская газета.

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: МЕСТО НЕ-ВСТРЕЧИ

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: МЕСТО НЕ-ВСТРЕЧИ

2011. 24 октября.

26. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2003. 536 с.
27. Панарин А.С. Правда железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006. 336 с.
28. Панарин А.С. Реванш истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Русский мир; Московские учебники, 2005. 432 с.
29. Пащенко В. Я. Идеология евразийства: Автореф. дисс. ... д. филос. н. М., 2000. 50 с.
30. Пивоваров Ю. Полная гибель всерьёз: Избранные работы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 320 с.
31. Проханов А. Дружина отца Александра // Завтра. 20 июня 2012. № 26.
32. Репников А. Очерк истории русского консерватизма // Русское время. 2009. № 1. С. 19—25.
33. Седакова О. Наш друг Витторио Страда // Витторио Страда. Россия как судьба: сборник статей. М.: Три квадрата, 2013. С. 7—9.
34. Сергеев С. Стратотерпец великодержавия // Устрялов Н.В. Национал-большевизм. М.: Эксмо, 2003. С. 7—47.
35. Степанов А. Об ошибках Владимира Семенко: Заметки на полях статьи «У бездны на краю» [Электронный ресурс] // Русская народная линия. 2012. 1 апреля. Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2012/01/04/ob_oshibkah_vladimira_semenko/?p=2
36. Степун Ф. Чаемая Россия. СПб.: Российский Христианский гуманитарный институт, 1999. 480 с.
37. Томсинов В. А. Мыслитель с поющим сердцем. Иван Александрович Ильин: русский идеолог эпохи революций. М.: Зерцало-М, 2012. 192 с.
38. Устрялов Н.В. Национал-большевизм. М.: Эксмо, 2003. 656 с.
39. Флоренский П.В. Последний философ Возрождения // Московские новости. 2007. 19 января.
40. Флоровский Г.В. Евразийский соблазн // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. С. 237—265.
41. Ципко А. Идеиные истоки и исторический смысл перестройки Горбачёва [Электронный ресурс] // Гефтер.Ру. 16 сентября 2013. Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/9952>.
42. Ципко А.С. в программе С. Корзуна «Без дураков» [Электронный ресурс] // Эхо Москвы. 2009. 19 мая. Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/korzun/592877-echo/#element-text>.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Грановский, В. В. Русская религиозная философия и патриотическая идеология: место не-встречи [Русская философия и формирование патриотического самосознания России. Вып. 3. Калуга: Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, 2014. С. 17—39] [Электронный ресурс] / В.В. Грановский // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2014. — Т. 7. — Вып. 1. — Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprov_r_e-ast7-1.2014.91

RUSSIAN RELIGIOUS THOUGHT AND PATRIOTIC IDEOLOGY: A PLACE WHERE THEY CANNOT MEET

Victor V. Granovsky, Ph.D., Associate Professor, Moscow Aviation Institute (National Research University), Chair of Philosophy
E-mail: philosophus@rambler.ru

The Article deals with the postulated essential controversy between the socio-anthropological settings of classic Russian philosophy of the first half of the 20th century and the overall priorities of patriotic ideology in modern Russia. The spiritual, religious and socio-political foundation of the actual national thought is often based on appellations to the successors of V.I. Solovyov, in particular 'vehists' (S.N. Bulgakov, N.A. Berdyaev), as well as other thinkers of Russian emigration (F.A. Stepun, I.A. Ilyin). Russian philosophy is represented by the author as an example of liberal conservatism, including its main concept of personal liberty, which is claimed to have a Christian background. Russian religious thought in its main part was personalistic, by which its properties were determined. The same can be said about the method of political thinking and the un-

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: МЕСТО НЕ-ВСТРЕЧИ

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: МЕСТО НЕ-ВСТРЕЧИ

derstanding of patriotism in general. Author believes that Russian religious philosophers in the same context examined the history of Russian revolution that defined the national identity of Russia in 20 century. They have repeatedly contended and systematically developed the concept of the destructiveness of Bolshevism and communism in relation to the Russian spirituality and culture, and appreciated the revolution to be a genuine national catastrophe. The ideology of modern Russian patriotism (for the most part, the author is referring to its popular forms) is based on the idea of etatism, by which not only *Eurasianism* and *Change Milestones* are presumed, but also various (sometimes exotic) forms of neomonarchism and Stalinism. The communist experiment is regarded here as a peak of the whole Russian history. Communist ideocracy, which transformed itself in the specific historical circumstances, now pretend to be the major patriotic message. This is the basis of today's popular 'Soviet patriotism'. This work reveals a dissimilarity of ethical positions of the latter and the main values of the Russian Christian worldview.

Keywords: Russian religious philosophy, "Vehi" ["Milestones"], epoch of 'Silver Age', Bolshevism, communism, Stalinism, patriotism, Eurasianism, ideology, conservatism, revolution, Russian intelligentsia, Christian Church.

References:

1. Agursky M.S. *Ideology of National Bolshevism*. Moscow: Algorithm Publisher, 2003. 134 p. (In Russian).
2. Aksenov-Meyerson M. "Christian Movement in Dissent." *New Europe* 20 (2008): 32–42. (In Russian).
3. "Alexander S. Tsipko at the S. Korzun's Program "Nobody's Fool"." *Echo of Moscow*. N.p., 19 May 2009. Web. <<http://echo.msk.ru/programs/korzun/592877-echo/#element-text>>. (In Russian).
4. Antonov K.M. *Philosophy of Religion in the Russian Metaphysics XIX – Early XX Century*. Moscow: Orthodox St. Tikhon Theological University Publisher, 2009. 360 p. (In Russian).
5. Archbishop Anthony (Khrapovitsky). "Open Letter to the Authors of the Book "Vekhi"." *Spiritual Crisis of the Intelligentsia* by N.A. Berdyaev. Moscow: Kanon + Publisher, 1998, pp. 345–348. (In Russian).
6. Bely A. *Collected Writings. Arabesque. Book of Articles*. Moscow: Respublika Publisher; Dmitriy Sechin Publisher, 2012. 590 p. (In Russian).
7. Berdyaev N.A. "Philosophical Truth and the Intelligentsia's Truth." *Vekhi*. Moscow: Pravda Publisher, 1991, pp. 11–30. (In Russian).
8. Berkovskaya E.N. *Cross of Fate: Memories*. Moscow: Vozvraszenie Publisher 2008. 720 p. (In Russian).
9. Borodin L.I. "Through the Pages of Fraternal Diary." *Soviet Kidnapping and Other Stories*. Moscow: Journal "Moscow" Publisher 2012, pp. 72–114. (In Russian).
10. Bulgakov S.N. "Heroism and Selfless Devotion." *Vekhi*. Moscow: Pravda Publisher, 1991, pp. 31–72. (In Russian).
11. Ermichev A.A. "Apology of Russianness." *Russian Idea* by N.A. Berdyaev. St. Petersburg: Azbuka Publisher, Azbuka-Atticus Publisher, 2013, pp. 5–36. (In Russian).
12. Florensky P.V. "The Last Philosopher of the Renaissance". *Moskovskie Novosti [Moscow News] [Moscow]*. 19 Jan. 2007. (In Russian).
13. Florovsky G.V. "Eurasian Temptation." *Russia between Europe and Asia: Eurasian Temptation*. Anthology. Moscow: Nauka Publishers, 1993, pp. 237–265. (In Russian).
14. Galtseva R. "About the Symptoms of Restoration and Symptoms of a New Civilization." *Posev* 7 (2013): 7–11. (In Russian).
15. Gippius Z. "My Lunar Friend (About Alexander Blok)." *Poems about the Beautiful Lady* by A. Blok. St. Petersburg: Azbuka Publisher, Azbuka-Atticus Publisher, 2012, pp. 200–245. (In Russian).
16. Granovsky V. "Basic Values." *Posev* 1 (2013.a): 2–5. (In Russian).
17. Granovsky V.V. "Conservative Anti-Westernism as Russian Temptation." *Proceedings of the Conference "Christianity and Science"*. Moscow: Volshebny fonar Publisher, 2013.b, vol. 11, pp. 196–210. (In Russian).
18. Granovsky V.V. "Religious and Mystical Atmosphere of the Silver Age and Worshiping." *Herald of Moscow State University. Series 7. Philosophy* 4 (2007): 95–111. (In Russian).
19. Gul R.B. "Russia in Germany". *I lost Russia: Apology of Emigration*. Moscow: B.S.G.-Press Publisher, 2001, vol. 1. 560 p. (In Russian).
20. Gulyga A.V. *Russian Idea and Its Creators*. Moscow: Eksmo Publisher, 2003. 448 p. (In Russian).
21. Kantor V. *Neighbors. Arabesques*. Moscow: Vremya Publisher 2008. 944 p. (In Russian).
22. Kelle V.Zh. "Social and Moral Direction in Academician Ivan T Frolov's Creativity." *Problems of Philosophy* 8 (2009): 3–17. (In Russian).
23. Kunyaev S. "Love, Filled With Evil." *Russian House* 3 (2013). Web. <<http://www.russdom.ru/node/5749>>. (In Russian).

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: МЕСТО НЕ-ВСТРЕЧИ

МНЕНИЕ

ГРАНОВСКИЙ В.В. РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: МЕСТО НЕ-ВСТРЕЧИ

24. Lektorsky V.A. "On the Philosophy of Russia of the Second Half of the XX Century." *Problems of Philosophy* 7 (2009): 3–12. (In Russian).
25. Maslin M.A. "Foreign Historiography of Russian Philosophy." *Philosophical Education* 1 (2012): 3–12. (In Russian).
26. Medvedev R. *Socialism in Russia?* Moscow: AIRO-CSI Publisher; Kraft + Publisher, 2006. 288 p. (In Russian).
27. Metropolitan Hilarion (Alphreev). "Intelligentsia Needs Orthodox Church." *Russian Gazette* [Moscow] 24 Oct. 2011. (In Russian).
28. Narochnitskaya N.A. *Russia and Russian in World History*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publisher, 2003. 536 p. (In Russian).
29. Panarin A.S. *Revanche of History: Russian Strategic Initiative in XXI Century*. Moscow: Russkiy mir Publisher; Moskovskie uchebniki Publisher, 2005. 432 p. (In Russian).
30. Panarin A.S. *Truth of the Iron Curtain*. Moscow: Algorithm Publisher, 2006. 336 p. (In Russian).
31. Pashchenko V.Ya. *Ideology of the Eurasianism*. Synopsis of Doctoral diss. Moscow, 2000. 50 p. (In Russian).
32. Pivovarov Yu. *Total Loss In Earnest: Selected Works*. Moscow: ROSSPEN Publisher, 2004. 320 p. (In Russian).
33. Prokhanov A. "Father Alexander's Retinue." *Tomorrow* [Moscow] 20 June 2012. (In Russian).
34. Repnikov A. "Essay on the History of Russian Conservatism." *Russian Time* 1 (2009): 19–25. (In Russian).
35. Sedakov O. "Our Friend Vittorio Strada." *Vittorio Strada: Russian As The Fate*. Moscow: Tri kvadrata Publisher, 2013, pp. 7–9. (In Russian).
36. Sergeev S. "Martyr of Great Power." *National-Bolshevism* by N.V. Ustryalov. Moscow: Eksmo Publishers, 2003, pp. 7–47. (In Russian).
37. Stepanov A. "On Vladimir Semenko's Errors: Marginal Notes of the Article "At the Edge of Abyss"." *Russian People Line*. N.p. 1 Apr. 2012. Web. <http://ruskline.ru/news_rl/2012/01/04/ob_oshibkah_vladimira_semenko/?p=2>. (In Russian).
38. Stepun F. *Russia Desired*. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute Publisher, 1999. (In Russian).
39. Tomsinov V.A. *Thinker with a Singing Heart. Ivan Ilyin: Russian Ideologist of Era of Revolutions*. Moscow: Zertsalo-M Published 2012. 192 p. (In Russian).
40. Tsipko A. "Ideological Origins and Historical Significance of Gorbachev's Perestroika." *Gefter.Ru*. N.p., 16 Sept. 2013. Web. <<http://gefter.ru/archive/9952>>. (In Russian).
41. Ustryalov N. *National-Bolshevism*. Moscow: Eksmo Publisher, 2003. 656 p. (In Russian).
42. Zhuchkovsky A. Sergeev S. "From the Realm of Public Patience – for Freedom and Democracy: An Interview with the Scientific Editor of the Journal "Problems of Nationalism"," *Russian Line*. N.p., 18 July 2011. Web <http://ruskline.ru/analitika/2011/07/18/sergej_sergeev_iz_carstva_vseobwego_terpilstva_k_svobode_i_demokratii/>. (In Russian).

Cite MLA 7:

Granovsky, V. V. "Russian Religious Thought and Patriotic Ideology: A Place where They Cannot Meet. [*Russian Philosophy and the Formation of Patriotic Identity of Russia*. Kaluga: K.E. Tsyolkovsky Kaluga State University Publisher. 2014, issue 3, pp. 17–39]." *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremya* [*Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time*] 7.1 (2014). Web. <2227-9490e-apovr_e-ast7-1.2014.91>. (In Russian).